

«Я ВЫБРАЛ ТЕАТР»

На улицах Уфы висят афиши, приглашающие уфимцев и их гостей на премьеру двухсерийного кинофильма «Лаутары». Это лента киностудии «Молдовафильм», повествующая о временах давно минувших, когда в Молдавии жили легендарные бродячие музыканты, получила на XX международном кинофестивале в испанском городе Сан-Себастьяне сразу три премии.

Роль одного из лаутаров — Драгомира — исполнил актер Уфимского русского драматического театра Вилли Мусоян. С ним беседует наш корреспондент Мадриль Гафуров.

— Скажите, пожалуйста, как вы, уфимский актер, попали в молдавский фильм?

— Из-за этих лаутаров, — смеется Мусоян, — а вернее, из-за работников кинопроката, хоть на улице не показывайся, понаклеили афиши, будто и в самом деле без меня фильма не было бы. А попал я, думаю, случайно. Как говорил режиссер-постановщик Эмиль Лотяну, исполнителей ролей, а ими должны были быть только талантливые музыканты, разыскивали по всей Молдавии. В это время наш театр гастролировал в Кишиневе. Там на улице ко мне подошли «наборщики», а когда узнали, что я работаю в театре, пришли на спектакль...

Пригласили меня на пробу сразу двух ролей. Я оказался единственным будущим лаутаром в фильме, который не умел играть на музыкальных инструментах.

— И как же вы исполнили роль?

— Я еще не видел окончательный вариант фильма и не знаю, что туда вошло, а что нет. Но надеюсь, что на этот раз не получится, как в фильме «Судьба человека». Снимали меня тогда, сцимали, а вышел фильм на экраны — сам себя не нашел... Это было, когда учился в студии при Тамбовском драмтеатре. А что касается цимбал, то я и не играл на них. Дали мне инструмент без струн, и я лишь имитировал игру.

— Кто же такой ваш Драгомир?

— Это человек, который всю жизнь мечтает накопить деньги, купить землю и навсегда бросить «позорное» дело лаутара — бродяги и нищего. Но он никогда не бросит цимбалы. «Посмотри на свои руки, разве ты сможешь расстаться с музыкой?» — говорит ему самый талантливый лаутар Том Алистар. В этом трагедия Драгомира. Впрочем, трагедия ли? В музыке — его жизнь.

Драгомир тяжело переживает несправедливость. Он самый решительный среди лаутаров, но анархического склада характера. Доведенный до отчаяния, он идет к барону, чтобы силой отобрать то, что полагается им, лаутарам. Смертельно раненый в борьбе, он поджигает усадьбу барона и сам погибает.

Лаутары — люди без прав. Их даже хоронят не на кладбище, а за его оградой, хотя тот же Том Алистар играл во дворцах императоров. И мой герой идет на «преступление» ради Тома: «Вы ограбили Алистара!». Тому деньги нужны, чтобы продолжить поиски любимой девушки, которую он ищет до старости...

— Что вам как актеру дало участие в создании этого фильма?

— Иногда я завидую тем, кто имеет возможность сочетать работу в театре со съемками в кино, как бы разряжаться. В кино интересно. Но для творчества в театре больше возможностей. На сцене в образ вживаешься постепенно, события разворачиваются логически. А на съемках сегодня ты можешь играть сцену из конца фильма, а завтра — из первой части, то есть ты создаешь образ хаотически, не всегда знаешь, как и что получается.

— Что самое трудное при съемках фильма?

— Для меня самым трудным было освоение законов молдавского языка: запись текста шла синхронно. Конечно, имелись и другие трудности. Когда наш театр гастролировал в Петрозаводске, мне приходилось в течение недели каждый вечер вылетать в Ленинград на ночные съемки, утром возвращаться и участвовать в спектакле.

В кино много значат техника и погодные условия. Вот, скажем, сидишь, ждешь солнца, а его нет. Состояние твое меняется, утомляешься. И вдруг, когда уже перестал ждать, появляется солнце. Успевай вновь настроиться. А сфальшивишь — все отразится на пленке.

Когда работа идет в павильоне — погода не помеха. А у нас все съемки были на натуре. Приходилось часто с шести утра до восьми вечера быть на съемочной площадке: то в поле, то в ущелье, то на городской улице... Во время съемки дождя четыре дня чуть не по десять часов мокли (пожарники старались вовсю!). Но никто не простудился...

— Актер не всегда сам выбирает будущую роль. По душе ли пришелся вам Драгомир? И какие роли вам больше нравятся?

— Станиславский говорил, что у актера ампула не существует. Но любимые роли, конечно, есть. Драгомира я, кажется, понял. В театре же сейчас готовлю главную роль в спектакле «Безымянная звезда». Эта пьеса, как мы определили, о поэтах своей мечты, о людях увлеченных, об одержимых чудаках, излучающих нравственный свет. Мне пьеса нравится, хотя она вызвала в театре спор.

Взяли мы в репертуар «Сирано де Бержерака» Ростана, где мне обещают роль этого поэта и драчуна. А из сыгранных — по душе Збышка («Мораль пани Дульской»), Вадим («Четыре креста на солнце»), Мурзавецкий («Волки и овцы»), Васильев («День свадьбы»), Виктор («Иркутская история»), Эдгар («Король Лир»). Я любил выступать на сцене в этих образах. Особенно в образе Эдгара. В нем находил свою тему.

— А как вы пришли в театр?

— Родился я в Тбилиси, где мама окончила театральный институт. Но в театре ей не пришлось работать. Отец был военным, и вскоре мы переехали в Ереван, где грузинского театра не было. Но свою любовь к театру мама передала мне. Из трех братьев я один мечтал о сцене. Другие ребята рыбачили, играли в войну, а на меня смотрели чуть ли не как на помешанного...

Поступал в московский ГИТИС, но мой ужасный акцент преградил мне тогда дорогу в искусство. После этого в течение года я выправлял свое «варварское» произношение и поехал учиться в Тамбов, а потом уже в ГИТИС.

— Вы уже четырнадцать лет на сцене. Довольны ли исполнением мечты?

— Нет. Но если бы мне предложили взамен что-то другое, я снова выбрал бы театр.